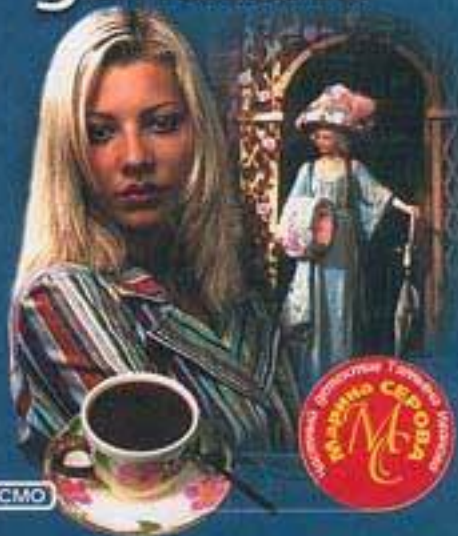

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина СЕРОВА

Темные делишки

ЭКСМО

Марина С. Серова
Дьявольский вкус смерти
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167306

Темные делишки. Дьявольский вкус смерти: Эксмо-Пресс; М.; 2001

ISBN 5-04-008582-6

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Марина Серова

Дьявольский вкус смерти

Глава 1

Как-то незаметно промелькнули два сладких мгновения под названием «суббота» и «воскресенье», в которые я позволила себе полностью расслабиться. Это ничегонеделанье слегка утомило меня и, обнаружив в понедельник с утра, что в холодильнике, образно выражаясь, «мышь повесилась», я отправилась за продуктами. Теперь, выйдя из лифта с двумя набитыми пакетами, я наткнулась на маленький серый и ужасно пушистый комок, который сидел у моей двери и, по видимому, кого-то ждал.

– Эй, зверюга, ты ко мне? – спросила я, открывая дверь. Котенок в ответ лишь отрывисто мяукнул и, как только щель оказалась совместимой с его габаритами, пулей влетел в квартиру.

– Ты скромный, однако, парень, – рассмеялась я. – А может быть, вовсе и не парень?

Я поставила пакеты на стол и взяла пушистого зверя в руки. Осмотр меня удовлетворил.

– Если бы ты был девчонкой, я бы огорчилась.

В результате двухдневного отдыха у меня появилось бла-

годушное настроение, которого мне так не хватает.

– Ну что? Не пора ли нам и позавтракать, серенький? – спросила я, перекладывая продукты в холодильник. – Кстати, ты удачно выбрал время, чтобы сесть под дверью. Еще полчаса назад я не смогла бы тебе предложить и черствой корки.

Я вдруг поняла, что если сегодня же не займусь делом, то, пожалуй, начну вслух разговаривать не только с котенком, но еще и с телевизором, а потом уж и самой с собой.

Отрезав котенку кусок колбасы, который он тут же рьяно принялся мусолить, я по обыкновению взялась варить себе кофе. Не спеша засыпала молотый кофе в турку, положила сахар, перемешала, залила холодной водой, чтобы выдержать несколько минут. В этот самый момент зазвонил телефон. Я очень не любила, когда кто-то нарушал мой ритуал приготовления кофе, и поэтому решила вначале послушать, кому это я понадобилась, когда сработает автоответчик.

После нескольких гудков и моих слов, записанных на пленку, раздался женский голос.

– Таня, тебя беспокоит Самохвалова Катя. Надеюсь, что ты меня еще не забыла. Мне нужна твоя помощь...

Далее был сообщен номер телефона, по которому просили позвонить.

Я спокойно выслушала сообщение, не обнаружив желания подойти к телефону. Турку следовало поставить на слабый огонь, чтобы кофе закипал медленно и в нем образовалось

больше пены. Я сосредоточенно этим занялась, не обращая внимания на серое создание, которое терлось у моих ног и мяукало, намекая на новую порцию колбасы. Доведя кофе до кипения и сняв турку с огня, я тут же повторила эту операцию снова. Только после этого кофе по-турецки был готов.

Было уже одиннадцать утра, когда я, поглощая один бутерброд за другим, думала о том, что нужно от меня бывшей однокласснице Кате Самохваловой. Знает ли она, чем в данный момент я занимаюсь, и стоит ли ей перезванивать? Последняя моя встреча с бывшими одноклассниками, в том числе и с Катькой, была давно: тогда я еще работала юристом в прокуратуре. Честно говоря, мне надоело консультировать своих школьных друзей по юридическим вопросам.

Но позвонить все же решила. Пока в трубке раздавались длинные гудки, я наблюдала из окна, как долговязый мужик, съездившись от холода, бегаёт вокруг своей «семерки», тщетно пытаясь помочь ей завестись.

Гудки закончились.

Не успела я и слова сказать, как голос в трубке спросил:

– Алло, Тань, это ты?

Я засмеялась.

– Здравствуй, Катя. Ты наугад спрашиваешь или определитель номера тебе подсказал?

На другом конце провода Катька отозвалась мелким рассыпчатым смешком.

– Второе.

– Что у тебя случилось, рассказывай.

Я приготовилась выслушать скучные вопросы о разделе имущества, приватизации собственности или купле-продаже недвижимости. Несмотря на то что работала я в прокуратуре, а не в юридической консультации, вопросов по моему профилю, как правило, никто не задавал, все больше эти, так называемые бытовые. Поэтому Катькино заявление меня слегка удивило.

– Я хочу, чтобы ты расследовала для меня одно дело.

– Что-то серьезное?

– Да, очень серьезное, если мои догадки верны. Но это не телефонный разговор. Ты сможешь приехать? А то я на днях умудрилась ногу вывихнуть – хожу хромаю.

– Да. Диктуй адрес.

Прикинув расстояние до Катькиного дома, я закончила разговор.

– Буду через полчаса.

В кухне стояла подозрительная тишина: чавканье прекратилось. На полу я обнаружила лужицу, без зазрения совести сделанную кем-то, а этот кто-то, свернувшись калачиком, мирно сопел у батареи. Странно, но на такое безобразие я среагировала довольно спокойно и поймала себя на мысли, что, пожалуй, к животным отношусь лучше, чем к людям. «Однако как легко этот зверюга надавил мне на жалость! – призналась я себе. И сделала категоричный вывод: – Старей, подруга!»

Через семь минут я уже прогревала машину. Бедный му-
жичок, за которым я наблюдала из окна, прыгал с ноги на но-
гу возле капота, хлопая руками по плечам. Его ритуальный
танец рассмешил меня. Всплыл в памяти стишок из детства:
«Я люблю свою лошадку, причешу ей шерстку гладко, гре-
бешком приглажу хвостик...»

«А ведь не поедешь ты, дядя, сегодня в гости», – заклю-
чила я.

На улицах было довольно пусто: видно, мороз прибавил
автомобилистам проблем. Пожелав себе не застрять в проб-
ке, я выехала на прямую дорогу. Машин впереди не было
видно, и я нажала на газ. Стрелка спидометра остановилась
на цифре 80.

И тут я заметила, что по встречной полосе с не меньшей
скоростью несется иномарка цвета «серый металлик». За-
метив огромную рытвину на пути встречной машины, я по-
думала, что зря он так разогнался. Но водитель и не поду-
мал притормозить и потихоньку переехать яму, а выехал на
встречную полосу, рассчитывая проскочить перед носом мо-
ей «девятки». Но глазомер у него сработал плохо, и я увиде-
ла, что он явно не успевает вывернуть. Еще немного, и наши
машины столкнулись бы в лоб.

Я резко ударила по тормозам и выкрутила руль вправо.
Столкновения удалось избежать, правда, мою «девятку» раз-
вернуло поперек дороги. В который раз быстрая реакция, от-
точенная благодаря занятиям карате, спасала меня. Злая, как

черт, я вышла из машины. А водитель «Лексуса» не придумал ничего другого, как опустить боковое стекло и последовать тактике «лучшая защита – нападение». Тряся жирным подбородком, он принялся орать на меня, перемежая свой монолог отборным матом.

– Куда ты прешь, корова?! Не можешь уступить дорогу?! Ямы не видишь?!

Я сразу вычислила тип представителя «новой Руси» и поняла, что разговаривать с ним бесполезно. Того, что я сделала в следующую минуту, рыхлый наглый недоумок ожидал меньше всего. С быстротой, которую я уже продемонстрировала, нажав на тормоза, я открыла водительскую дверь и, схватив этого поросля правой рукой за волосы, определила его голову в дверной проем, после чего ошутимо отметилась дверью на его лоснящейся физиономии. Нувориш, похожий на кусок несвежего мяса, взвыл от боли. Из носа брызнула кровь.

– Су-ука! – только и смог протянуть он.

Я слышала, как сигналият машины, которым мы перегородили дорогу; но прежде чем отъехать, наклонилась к окровавленному водителю и негромко сказала:

– Неудачный ты выбрал день, мужик, чтобы хамить женщине.

Нувориш ничего не ответил, только глухо застонал. Водитель красной «Нивы», который был первым в веренице собравшихся машин, не решаясь подойти поближе, спросил,

не нужна ли помощь.

– Нет, – отчеканила я, – первую помощь я ему уже оказала.

Потом спокойно прошла к своей «девятке», села за руль и гордо удалилась с места данного происшествия.

Заехав во двор нужного мне дома, я припарковала машину между новеньким «Шевроле» и «Тойотой» с тонированными стеклами. На стоянке было еще несколько машин такого же класса, и моя «девятка» выглядела довольно сиротливо на фоне этого заграничного великолепия.

Подъезд был оборудован видеодомофоном, демонстрируя всем, что дом населяют явно не пролетарии. Я уже давно знала, что Катька вышла замуж за бизнесмена и неплохо устроилась в жизни. А сейчас получила зримое подтверждение этой информации.

Через несколько секунд после того, как я нажала номер квартиры, щелкнул замок и дверь открылась. Подъезд был достаточно заурядным, но вот подошел лифт, двери его раскрылись, и навстречу мне шагнула высокая блондинка. Первой реакцией было удивление. И только через пару секунд я поняла: зеркала в лифте от пола до потолка – по-видимому, для того, чтоб лишний раз взглянуть на себя, любимую. То, что отражалось, меня удовлетворило. А спокойное, чуть насмешливое выражение зеленых глаз даже доставило удовольствие: значит, разборка на дороге не вывела меня из равновесия.

Бронированная дверь Катькиной квартиры уже была от-

крыта, а из-за нее слышался предостерегающий рык, от которого становилось не по себе. Я потянула ручку на себя, и моему взору предстала Катька в махровом халате, державшая за ошейник пятнистого дога гигантских размеров. Оголив свои «зубки», собачка испытывала к гостье явно нездоровый интерес.

– Фу, Босс! Свои! – хозяйка шлепнула «начальство» по морде.

– Было бы лучше, если бы этот малыш пошел куда-нибудь отдохнуть, – произнесла я вместо приветствия.

– Да он добрый на самом деле, – пыталась объяснить Катька.

– Охотно верю и поэтому не хочу его добротой злоупотреблять, – я изобразила на лице милую улыбку.

– Ты проходи, а я его сейчас пристрою, – откликнулась хозяйка и, западая на правую ногу, поволокла куда-то своего теленка, освобождая мне проход.

В большом холле стоял здоровенный зеркальный шкаф-купе. Многократно в нем отраженная, я напостила себе Алису, которая попала в Зазеркалье.

Не дожидаясь приглашения, я разделась и прошла в гостиную, поражающую своими масштабами. Справа возвышался бар со стойкой, слева – стол на двенадцать персон и стулья с высокими спинками.

«Да здесь никак братва столуется», – с усмешкой подумала я. Бросалось в глаза отсутствие элементарного вкуса и яв-

ное денежное излишество.

– Садись куда тебе удобно, подруга, – предложила, входя в комнату, Катька.

Вот уж никогда не имела чести быть ее подругой! Об умственных способностях Самохваловой я была довольно невысокого мнения. Никогда, даже собрав все свои извилины в кучку, Катька не могла родить ни одной свежей мысли. В школе училась с пятое на десятое, всегда была посредственностью, несмотря на своего папашу – учителя литературы. Однако мое лицо осталось непроницаемым, и лишь насмешливый взгляд мог выдать мое истинное отношение к бывшей однокласснице.

– Неплохо живешь, – сообщила я свой вывод Катьке и посмотрела на ее халат, который почему-то не хотел вязаться с обстановкой. Из всей мебели в гостиной мне больше всего понравился диван, на котором я и устроилась вольготно, приготовившись слушать.

При упоминании о ее «неплохой жизни» Катька торжественно улыбнулась и предложила:

– Коньяк? Виски? Бренди?

– Если можешь, свари кофе.

Тут же подумав, что на моих глазах Катька будет извращать этот священный процесс, я пожалела о сделанном предложении. На мое счастье, «подруга» сообщила, что в доме имеется только растворимый кофе.

Я поморщилась.

– Тогда лучше садись и рассказывай.

Катька уселась рядом и почему-то тяжело вздохнула.

– Несколько дней назад у меня умер отец, – начала она.

– Прими мои соболезнования, а какого числа это произошло? – Я еще раз взгляделась в лицо хозяйки и сделала вывод, что это трагическое обстоятельство не наложило на нее особого отпечатка.

– Двадцать шестого января.

– Что с ним случилось?

Предусмотрев заранее, что Катька начнет пичкать меня ненужными подробностями, я предпочла взять нить разговора в свои руки.

– Отравление грибами.

– Понимаю, что тебе сейчас нелегко, но чем же я могу тебе помочь?

– Все дело в том, что здесь много странного... В общем, мне кажется, что отца отравили.

Я удивленно вскинула бровь. Интересно, Катька сама до этого додумалась или кто подсказал?

– Почему ты так решила?

– Ну, во-первых, отец был заядлым грибником и очень хорошо в грибах разбирался. Во-вторых, эти самые грибы он собирал летом, в деревне, когда был в отпуске и отдыхал у сестры. Грибы он собирал в августе, сушил и благополучно кушал их до недавнего времени. Я думаю, что если бы отец насобирав поганок, то давно бы уже отравился.

– Логично.

– Вот мне и пришла в голову мысль, что его отравили.

Катька рассказывала так буднично, как будто отравили кошку в соседнем подъезде.

– Отец умер в больнице?

– Да.

– Вскрытие делали?

– Да. Подтвердили, что смерть наступила от пищевого отравления.

– Ты кого-то подозреваешь?

Катька задумалась на минуту.

– Конкретно я никого не подозреваю, но, как ты понимаешь, из-за тяжелого характера недоброжелателей у отца было предостаточно.

Я прекрасно помнила Василия Ивановича, Катькиного отца. Он преподавал русский язык и литературу в школе, в которой мы учились. Назвать его характер «тяжелым» – это значит не сказать ничего. Всеми фибрами души его ненавидел каждый ученик в школе, кому выпало несчастье посещать его уроки. А таких было немало. Несмотря на его легендарное имя-отчество, никому и в голову не пришло прозвать учителя Чапаевым. Зато небезызвестная фамилия Собакевич приклеилась к нему моментально. Я до сих пор не могла понять, как Катька могла учиться в школе, где имя ее отца протаскивали по всей ненормативной лексике?

Деспотичный и властный, Василий Иванович абсолютно

игнорировал мнения других и был типичным ортодоксом. Скольким он испортил аттестат – не перечесть! Если было бы возможно, то все ученики, которых он доконал, по традиции американских негров спели и станцевали бы на могиле усопшего. Как могла догадываться я, школа наконец-то вздохнула свободно. Порадовавшись про себя за бедных детишек, я подумала, что такой человек наверняка успел нажить себе врагов не только среди подрастающего поколения, но также и среди взрослых.

– Какие отношения у твоего отца были с матерью?

Катькины брови сошлись на переносице.

– С отцом тяжело было ладить. Мать ему во всем подчинялась: по-другому с ним нельзя было. Но, по сути дела, она его просто терпела.

Разговор наш прервал телефонный звонок. Я вслушивалась в Катькины односложные ответы и пыталась отгадать, кто на другом конце провода.

– Да, спасибо. Все хорошо... Нет... Нет... Ничего не нужно. Пока.

Было видно, что хозяйка пытается сдержать раздражение, овладевшее ею.

Катька плюхнулась на диван и принялась интенсивно тереть виски.

– Проблемы? – поинтересовалась я.

– Ты не поверишь, но это звонил мой родной брат.

Я хмыкнула:

– Да, в это действительно трудно поверить. Насколько я помню, ты у родителей единственная дочь.

Катька тяжело вздохнула:

– Я тоже так думала, пока однажды меня в этом не разубедили. Оказывается, лет восемнадцать назад мой папуля отдыхал в профилактории, и результатом этого отдыха оказался Антон. Все как в лучших мыльных операх.

Катька звонко рассмеялась.

По всему было видно, что она неспособна долго предаваться негативным эмоциям. Ай да Василий Иванович! Учил, учил ты деток нравственной чистоте, проповедовал высокие идеалы... Да, жизненный сюжет, оказывается, покруче киношного бывает.

– О том, что у тебя есть брат, тебе отец рассказал? – спросила я, скрывая улыбку.

– Нет! Антон сам ко мне пришел. Так, мол, и так, сказал, я твой родной брат. По-моему, этот самозванец хочет притереться к моей семье. Сама понимаешь, живем мы небедно. Но он так вежливо все объяснил, где и когда отец «сходил налево»... А попросил только об одном – чтоб я сама у отца все расспросила. Заявил, что очень рад моему появлению в его жизни. В общем, был очень мил и любезен.

Катьку воспоминания об этой истории явно взволновали, и ей захотелось покурить. Она взяла со стойки бара пачку «Парламента» и протянула мне. После затяжки продолжила свой монолог, активно жестикулируя руками:

– Я, конечно, сразу бросилась к отцу с вопросами. Естественно, когда матери не было дома. Он мне резко ответил, чтобы я не лезла в его личную жизнь. Но я не отставала и спросила, что мне делать с этим новоявленным братом. И вообще, брат он мне или не брат, как в песне, знаешь? Отец ответил, что Антон быть братом мне не может, так как он тупица и бездарь. Но ведь это не аргумент, правда? Долго у нас тогда длилась перепалка, пока, наконец, я не вытянула из него, что вероятность все же есть, что Антон его сын, а следовательно, и мой брат.

Катька помолчала. Видимо, пережитые чувства нахлынули на нее.

– Как я себя к этому ни готовила, но была шокирована этим известием. Я только спросила: «Мать знает?» Отец ответил, что нет, но если даже и узнает, то ему все равно. Тогда я матери ничего не сказала, но этот Антон сам к ней заявился! Представляешь степень его наглости! Он оказался таким прилипчивым и все время мне почему-то мальчиша-плохиша напоминает. Вот и сейчас звонил, справлялся, как я себя чувствую. А я не знаю, как отделаться от его визитов и звонков. Если бы муж узнал, как я к своему новоиспеченному братцу отношусь, он бы в два счета прекратил все его поползновения, но в то же время мне Антона жалко. Самое главное, не пойму, что ему от меня нужно? Не может же он всерьез интересоваться моим здоровьем!

Бросив окурок в пепельницу, которую Катька положила

между нами на диван, я поинтересовалась, как давно объявился этот братец-кролик.

– Да, этой весной, в апреле.

– Ладно. Теперь скажи мне, после смерти отца комната в коммуналке достанется матери?

– Да.

– У отца была еще какая-нибудь жилплощадь? – допытывалась я.

– Моя бабка оставила ему с сестрой двухкомнатную квартиру в центре.

– Когда бабка преставилась?

– Еще полугода нет, – зевая, сказала Катька.

– Сестра живет в деревне?

– Да.

– Грибы твой отец там собирал?

– Да. Погоди... Ты что, думаешь...

– Думать – вредная привычка, надо мыслить, – состригла я. – Теперь скажи, есть кто-либо, кто желал бы его смерти?

Катька замялась.

– Его многие, конечно, не любили, но чтоб смерти желать... не знаю.

– Кто сейчас живет в его квартире?

– Никого. После похорон мать живет у меня.

– Мне нужны ключи от квартиры, – я встала, давая понять, что разговор окончен.

– Значит, ты берешься расследовать и найдешь причины

его смерти? – осторожно спросила Катька, которая до сих пор не была в этом уверена.

– А ты знаешь, что я беру двести долларов в сутки? – ответила я по-одесски вопросом на вопрос.

– Теперь знаю. Меня это устраивает.

– Тогда все в порядке. Только я не гарантирую тебе, что здесь существует роковое убийство. Возможно, твой папаша действительно отравился сам.

Стоило мне сесть в машину, как неразобранный ворох мыслей атаковал мое сознание. И я принялась раскладывать все по полочкам.

Итак, что мы имеем? Отошедший в мир иной учитель литературы, и либо он своей неосторожностью открыл себе дорогу на тот свет, либо кто-то ему в этом помог.

Чисто машинально я повернула ключ в замке зажигания, вырулила между домами, направив колеса к дому, в котором жил Василий Иванович, и продолжая разбираться с мыслями.

Рассмотрим близкое окружение покойного. Во-первых, дочь, которая хочет раскрыть убийство. Могла она укокошить папашу? Я перебрала все «за» и «против» и решила, что, пожалуй, нет. Чтоб Катька додумалась до убийства, причем не слишком примитивного? Да ей даже не нужно было прикидываться глупышкой, чтобы отвести от себя подозрения, – она ей уже была, это зафиксировано мной еще со школьной поры. В любом случае причин, по которым она

могла это сделать, я не находила.

Идем дальше. Жена убитого? Что же, очень может быть. Накормив мужа поганками, она убивает сразу двух зайцев: избавляется от ига ненавистного тирана и наследует имущество в виде комнаты в коммуналке. Хата, конечно, не шикарная, но на безрыбье и рак – рыба.

Следом на очереди сестра усопшего. Двухкомнатная квартира в центре – это уже посерьезней коммуналки. А тут как раз брат приехал в гости, грибы пособирать. Какая удачная комбинация!

Из всех приближенных к «телу», о которых я успела услышать, остался байстрюк. Его мотива для убийства я пока не видела, но здесь стоило покопаться поглубже. Да, повезло мальчонке, нечего сказать. Было бы гуманней, если бы он до сих пор верил в сказку о том, что его папа был, например, полярным летчиком, который погиб, неся службу во славу Родины.

* * *

Незаметно для себя я доехала до вросшей в землю облезлой двухэтажки, которую помнила еще со времен своего детства, поскольку я не раз бывала у Катьки в гостях.

Но прежде чем приступить к претворению в жизнь намеренного, я решила по обыкновению метнуть «кости». Хотелось намекнуть, кто из окружения Самохвалова мог стать убий-

цей.

Магические мои помощники громыхнулись о приборную панель: 21+33+2. Значит, получается следующее:

«Интересующая вас особа – человек, главным образом, показательной нравственности».

Очень конкретно, и в то же время для меня ничего определенного. Нужно познакомиться со всеми, чтобы определить моральный облик каждого.

Итак, убийца солидарен с убиенным в показательной нравственности. Один другого стоит. Улыбнувшись, я подумала, что показная нравственность среди всей той грязи, которая существует вокруг, не самый большой грех. Хотя именно субъекта, подверженного данному греху, раскусить гораздо сложнее, чем открытого уголовника.

С трудом повернув ключ в замке в старой разбитой двери, я очутилась в темном коридоре и тут же подверглась нападению маленькой злобной шавки явно «дворянского» происхождения. Я чертыхнулась. Кажется, сегодняшней день войдет в историю под заголовком: «Таня Иванова в мире животных».

Первый пинок, который схлопотала от меня громогласная Моська, помог ей спланировать в конец коридора. Но, видимо, она давно поджидала свою жертву, потому что с новой силой начала бросаться на меня, как бык на красную тряпку. Я уже приготовилась к более суровому отпору, как справа от меня заскрипела дверь и такой же скрипучий голос позвал:

– Тишка, иди сюда!

Тишка послушался, но продолжал брехать уже из комнаты хозяйки.

Женщина с помятым лицом и в такой же одежде выглянула в коридор и посмотрела на меня с недоверием.

– Вы к кому?

В другое время я, может быть, и не удостоила бы ее ответом, но сейчас меня интересовало все, что вращалось вокруг Самохвалова, поэтому коротко ответила:

– Я к Василию Ивановичу.

Тетка сверкнула маленькими глазками и злобно усмехнулась.

– Опоздала, милая. Недавесь вперед ногами вынесли. Сдох, наконец, сволочь! Туда ему и дорога!

Тетка с грохотом захлопнула дверь.

От такого откровенного «доброжелательства» меня передрнуло.

В комнате Самохвалова было чисто и даже уютно, насколько это возможно при мизерных габаритах жилища. Видавший виды диван, напротив кровать еще более преклонного возраста, вдоль стен шкафы, обклеенные пленкой «под дерево»... Сбоку на тумбочке стояла электроплитка – видимо, хозяева не всегда пользовались общей кухней. Ничего удивительного, одна дама с собачкой чего только стоит! Правда, слово «дама» плохо вязалось с обликом злобной тетки. Мой взор блуждал по комнате. Ага, вот! На окне, завешен-

ном бордовыми шторами, висели две длинные нитки сушеных грибов. В суматохе похорон никто о них не вспомнил – мне это и было нужно.

Пошарив в шкафчиках, я нашла старую эмалированную кастрюлю и отправилась в кухню за водой.

Пять минут назад здесь никого не было. Теперь же возле плиты стояла пышная женщина лет сорока пяти и резала лук, обливаясь слезами. Увидев меня, она быстро затараторила:

– Ой, а я услышала шум, думала, Регина вернулась. А вы родственница? Что-то на похоронах я вас не видела.

Ценная женщина. Наблюдательная. Душечку напоминает.

– Я Катина знакомая. С вами можно переговорить с глазу на глаз?

Душечка встрепенулась, почуяв что-то необычное.

– Да, конечно. А что случилось?

– Расскажу через пятнадцать минут, – окончательно заинтриговала я ее и отправилась в самохваловскую комнату.

«Гиперлюбопытство, сочетающееся с повышенной болтливостью», – составила я характеристику соседки. Это и плюс и минус одновременно. Плюс, потому что все здешние новости, сплетни и дразги известны ей досконально. Минус – завтра о моих вопросах относительно смерти Самохвалова будет знать вся округа. Но мы пойдем другим путем.

Водрузив кастрюлю на плитку, я бросила в воду грибы, и пока вода закипала, продолжила осмотр комнаты. Прежде

всего меня интересовал письменный стол, за которым, по-видимому, работал Самохвалов. Поочередно выдвинув все ящики, я увидела груды исписанной бумаги, тетради, ручки и стержни – все это лежало в беспорядке. Взяв пару исписанных листов, попыталась прочесть. Почерк был таким же отвратительным, как и его хозяин. Насколько я могла понять, бегло пробежав взглядом всю эту писанину, Василий Иванович занимался писательством. Мне это показалось нехарактерным для его натуры, но факты были налицо. Присев на краешек кровати, ради любопытства (и в интересах дела, конечно, тоже) пробежала пару строчек. Не знаю, как все произведение, но в прочитанном мной отрывке герой изобличал, порицал и наказывал. Я улыбнулась: неужели автор всерьез рассчитывал, что кто-то будет читать всю эту желчь?

Ничего интересного в столе я не нашла и переключилась на книжный шкаф. Здесь была собрана плеяда всех великих, но в данный момент мне было не до них. В углу верхней полки стояла пачка тетрадей. Одну за другой я принялась их перелистывать. Планы уроков для разных классов... аннотации художественных книг... А это что?

Тетрадь была сильно потрепана и, насколько я смогла понять, содержала тексты на немецком языке. Я отбросила бы ее в сторону, как и предыдущие, если бы в глаза не бросились даты в начале каждого текста. Число, месяц и год перевода? Это казалось сомнительным. А интуиция уже толкала догадку из подсознания в сознание – дневник. Последней датой в

тетрадке стояло – 11 октября 1974 года. Переводы немецких текстов вряд ли было необходимо хранить столько лет. Зато если это действительно дневник, то камуфляж из немецких слов дает ему возможность преспокойно стоять на видном месте. Жаль, что язык Гете и Шиллера мне мало знаком. До дальнейших разъяснений я сунула тетрадь в свою сумку.

Вода в кастрюле закипела, по комнате разлился приятный грибной запах, и в животе у меня заурчало. Чтобы не поддаваться искушению отведать ароматно пахнущего варева, я отправилась к соседке.

Не успела я подойти к ее комнате, как дверь распахнулась. По взволнованному лицу соседки было видно, что она с нетерпением меня поджидала. Услужливо предложила мне стул, который, как и вся обстановка, отличался большей солидностью, нежели мебель Самохвалова.

Душечка засуетилась вокруг меня с предложением откусать чаю с пирожками.

– Надеюсь, пирожки не с грибами? – поинтересовалась я, беспокоясь о своем драгоценном здоровье.

Душечка намек поняла.

– Ну что вы! Одни – с мясом, другие – с рыбой.

Я милостиво разрешила себя накормить, для большей интриги добавив к выражению своего лица налет таинственности.

Узнав о том, что мою собеседницу зовут Варварой Николаевной, и не забывая поглощать пирожки, я сообщила

ей свою «легенду»: что являюсь корреспондентом «Тарасовских вестей» и мне поручено написать статью о выдающемся учителе и человеке Самохвалове В.И. На последних словах я почему-то закашлялась, и на глазах у меня выступили слезы.

Внимательно изучив предложенное мной удостоверение, Душечка в растерянности уставилась мне в лицо. Видимо, выудить из памяти что-то, соответствующее понятию «выдающийся учитель и человек», ей было не так-то просто. Чтобы вывести Варвару Николаевну из раздумий, я конкретизировала задачу:

– Мне нужно узнать немного о семье Василия Ивановича, как складывались его взаимоотношения с соседями, независимо от того, хорошими они были или плохими.

Душечке стало полегче.

– Я скажу, что я о нем думаю, – решила она. – Не знаю, может, учителем он был шибко хорошим, но как человек...

Женщина покачала головой.

– Региночка, бедная, сколько ей терпения нужно было с ним! Угодить ему было просто невозможно! Похоже, что все люди, в том числе и жена, его раздражали. А ведь Регина такая тихая, скромная.

То, что Душечка записала бывшего учителя в диаспору мизантропов, меня не удивило.

– Как относились к нему другие соседи? – стала подкидывать я ей наводящие вопросы.

– В 61-й квартире хозяева не живут. Мужчину парализо-

вало, и дочь забрала его к себе.

– Надеюсь, парализовало не благодаря Василию Ивановичу?

Я вообще-то пошутила, но Душечка восприняла вопрос всерьез.

– Нет, что вы, он здесь ни при чем. Это уж лет шесть назад было. А квартиру он дочери запретил продавать. Сказал, чтоб только после его смерти. Вот она и пустует. А с тетей Томой Рудухиной у Самохвалова затяжной конфликт еще с тех пор, как он мужа ее засадил.

– За что засадил-то? – будто из чистого любопытства поинтересовалась я, дожевывая последний пирожок и сообразив, что речь идет о «даме» с собачкой.

– Я здесь тогда еще не жила... Это было лет двадцать назад. Могу только рассказать то, что слышала...

Получив одобрительный кивок с моей стороны, рассказчица продолжила:

– Муж у Рудухиной любил к бутылке прикладываться, а по пьяни буйным становился. И как-то раз по пьяной лавочке стал с ножом за Томкой по коридору гоняться.

Голос Душечки был таким взволнованным, будто все происходило у нее на глазах.

– А у Василия Ивановича Катька еще маленькая была и с соседскими детьми в коридоре играла. А тут пьяный мужик с ножом носится... И так как эти разборки были не первый раз, то он и подал на Рудухина в суд. В итоге дали тому два

года «химии». На этой почве он совсем спился, и когда у матери своей с частного дома снег чистил, упал с крыши и ударился головой о какую-то железяку. Томка с сыном одна осталась. С тех пор они с Самохваловым и враждовали. Если б не Региночка, то здесь и поговорить-то было бы не с кем, – резко свернула на свое «больное» Душечка. А поговорить она явно любила.

– Сын ее где живет? – поинтересовалась я и подумала, что со своими дотошными, не по теме, вопросами мало смахиваю на журналистку. Но Варвара Николаевна не заметила этого и ход моих мыслей восприняла как должное.

– Так здесь же, с ней. Дела какие-то свои проворачивает, крутится в общем. Жаль, что у них с Катюшей тогда ничего не получилось. Паша – он неплохой, мне его даже жалко...

– С какой Катюшей у него не получилось? – насторожилась я.

– Так с Самохваловой же! – Душечка всплеснула пухлыми ручками. – Вы ничего не знаете? У них с Пашей любовь была... Но какой там! Василий Иванович как узнал, такой скандал был! Орал на весь дом, что его дочь связалась с сыном алкоголика и уголовника. Тома тоже, конечно, против была. Правда, теперь Катюша удачно вышла замуж, обеспечена всем, а с Пашкой так и жила бы в коммуналке.

Теперь я, кажется, поняла причины Катькиного интереса к смерти отца.

– Значит, Монтекки и Капулетти в очередной раз не до-

говорились, – машинально проговорила я свою мысль вслух.

Душечка округлила свои и без того навывкате глаза. Таких фамилий она явно не знала. Сообразив, что у моей собеседницы не больше восьми классов образования, а мне некогда рассказывать про шекспировские страсти, я предпочла сменить тему.

– Когда Василий Иванович отравился, вы дома были?

Душечка кивнула:

– У меня как раз неделя за свой счет. Как ему плохо стало, он ведь сразу ко мне пришел, попросил «Скорую» вызвать.

– А его жена, Регина, на работе была?

– Регина накануне к сестре в Кисловодск улетела, сказала, что не меньше чем на месяц. Сестру оперировать должны были, и Региночка взялась ухаживать. А вот, видите, как все получилось...

Вспомнив про свое варево, я решила ретироваться, напоследок спросив, нет ли у словоохотливой Душечки рабочего телефона. Получив положительный ответ, записала номер и пообещала позвонить завтра, если понадобится уточнить детали. На самом деле все, что нужно, я уже уз – нала.

Не успев ступить ногой на общую территорию коридора, я почувствовала, как чьи-то зубы сомкнулись на моей пятке.

– У-у! – только и вырвалось у меня.

– Тишка, фу! – крикнула подоспевшая Душечка. – Спасенья нет от этого кобеля! Хоть бы кто-нибудь его пристрелил!

Я бы с удовольствием, да цель не оправдывает средства.

Псина отбежала на безопасное расстояние и продолжала твять.

– Томка как спать завалится, так и выпускает его в коридор, – оправдывалась за соседку Варвара Николаевна. – Надел хуже горькой редьки!

«Бегай пока, стервец! – снисходительно разрешила я про себя. – Но имей в виду, что я злопамятна, как слон».

Попрощавшись с Варварой Николаевной, я вовремя подошла к своему зелью, потому как почти вся вода выкипела. Еще немного, и начало бы пригорать.

Сделав вывод, что дела частного сыска у меня обстоят куда лучше кулинарных, я открыла форточку и засунула кастрюлю в металлическую клетку, предназначенную для охлаждения продуктов. Теперь нужно было «убить» минут пятнадцать, и я нагло развалилась на диване.

Вся эта коммунальная «Санта-Барбара» меня порядком утомила. Никаких погонь, слежек и приключений – одна бытовуха! Я вспомнила мисс Марпл, этого божьего одуванчика, сыщика в юбке, которого воспела Агата Кристи, и подумала, что, расследуя подобные дела, могу стать на нее похожей.

Постепенно мысли вернулись к Самохвалову. Несвежее, искаженное от злости лицо тети Томи всплыло в моем воображении. Могла ли она подсыпать отраву соседу? Могла, конечно. Но о совершенном преступлении обычно помалкивают, а не выражают злобную радость по поводу смерти своего врага первому встречному.

Паша Рудухин? Что ж, мотивы прослеживаются отчетливо. Самохвалов был косвенно виновен в смерти его отца – раз, жениться на любимой девушке не разрешил – два. Нужно будет прощупать парнишку. Впрочем, все это имеет смысл только в том случае, если...

Меня явно клонило в сон, и все мысли стали уплывать куда-то в сторону...

Очнулась я оттого, что холодная сталь почти вонзилась мне в висок.

– Встань, – скомандовал хриплый голос.

Открыв глаза, я увидела небритое лицо, изучающий меня взгляд где-то уже виденных глаз. «Долговязый, где-то мы с тобой встречались...»

Пришлось покорно встать, чтобы получить карт-бланш и оценить обстановку.

– Тебя Катька послала вынюхивать? Она меня подозревает, да?

Вспомнила! Якобы не заводившаяся «семерка» около моего дома, утром... Доехал ты все-таки в гости на мою голову! А как натурально играл!

– Отвечай, когда тебя спрашивают! – мужик больно ткнул меня пистолетом в бок.

Нет, дружок, ты явно переоценил свои силы и степень моего терпения. Я сделала несколько телодвижений: сначала захват руки, державшей оружие, затем удар в солнечное сплетение невежде.

Долговязый охнул от неожиданности, а я, заполучив ствол, заключительным аккордом прошлась по его хребту, после чего он согнулся в три погибели.

– Ты, случаем, не язвенник? – сочувственно спросила я. – Что-то уж сильно за живот держишься.

В ответ у «язвенника» возникло лишь желание присесть на диван.

– Давай знакомиться по-человечески... Ты кто?

Мои пальцы поигрывали пистолетом, и ему ничего не оставалось, как отвечать на мои вопросы.

– Я Катькин друг, – как первоклашка сформулировал он. Теперь я вспомнила, где видела эти маленькие глазки.

– Ты Рудухин?

Долговязый молча кивнул.

– Паша, разве ты не знаешь, что когда ведут слежку, то не рисуются во всей красе перед окном того, за кем следят? – взялась я учить его уму-разуму. – Нельзя быть таким профаном, – но тут же, оставив лирику, перешла к главному: – Ваша с Катькой любовная история еще не завершилась, не так ли?

Рудухин, демонстрируя остатки мужского достоинства, молчал.

– Я так и думала. Тебя заело, что Катька подозревает именно тебя в смерти своего отца?

Опять в ответ молчание и тупо уставившийся в окно взгляд. Круги под глазами, трясущиеся руки... Озлобленный

и одновременно жалкий...

– Ко мне-то зачем со стволом полез?

Я сидела напротив него на кровати, начиная тосковать в роли прокурора. Паша, наконец, обрел голос:

– Так быстрее правду узнать... Припугнуть тебя хотел. Ведь я подозреваемый номер один. Даже она меня первым начала подозревать... Пару дней назад Катя заявила, что намерена обратиться к бывшей однокласснице Ивановой, чтобы выяснить, кто виноват в смерти его отца. Если бы ты, не разобравшись, указала на меня как на убийцу, тогда конец всему...

Ох уж, не верю я в эту бескорыстную любовь взрослого мужика к богатой замужней женщине. Профессия такая – во всем сомневаться. И я в лоб спросила:

– На что подсел, на героин?

Рудухин вздрогнул и округлил свои маленькие глазки.

– Это тебе тоже Катька сказала?

Пересохшие губы, испуганный голос выдавали его с головой.

– Твой внешний вид мне сказал, а еще шприц, который торчит из кармана. Только не заливай мне про больную маму.

Ярость вдруг метнулась в его глазках, и он кинулся на меня, как раненая пантера.

– Ты ведь ей не скажешь?!

Но прежде чем он успел схватить меня за грудки, я во-

ткнула ему ствол в живот.

– Сядь, – приказала тоном, не предполагающим возражений. Рудухин повиновался.

– На этом дойка коровы в лице Катьки Самохваловой прекращается. Денег ты от нее больше не получишь. А теперь проваливай, я здесь еще не все закончила.

Он медленно двинулся в сторону двери, потом протянул руку:

– Ствол отдай, мне его в залог оставили.

– Через Катьку получишь, – бросила я, – если она его в счет долгов не изымет.

«Ну вот, с одним разобралась», – облегченно вздохнула, когда за Рудухиным захлопнулась входная дверь. И теперь меня здесь задерживало только одно: достав остывшую кастрюлю с кашеобразным содержимым, я осторожно высунула нос в коридор. Злобный Тишка не заставил себя ждать и возобновил попытки достать меня в прямом и переносном смысле. Быстро выставив кастрюлю в коридор, я захлопнула дверь. На слух определив, что наживка сработала, я бросила в сумку рудухинский «марголин», перекинула ее через плечо и прислушалась. За дверью было тихо, я опять выглянула, убедилась, что псина мне не угрожает, закинула опустевшую кастрюлю в комнату и поспешила к выходу из квартиры.

Видимо, сытый Тишка был добрее голодного, так как, запирая дверь, я увидела его лежащим в кухне под раковиной.

Глава 2

Только переступив порог своей квартиры, я вспомнила, что меня тут одинокая живая душа поджидает. Серый котенок подбежал и начал тереться о мои ноги в тоскливой надежде получить что-нибудь съестное. Что и говорить, не привыкла я заботиться о ком-нибудь... А кстати – пора позаботиться и о себе, поскольку Душечкиных пирожков, несомненно, меня подкрепивших, мне, при моей неумемной физической энергии, было явно мало. Требовалось что-то поконкретней. При виде толстых аппетитных сосисок, добытых мной из холодильника, кот прибавил громкость.

Пока сосиски барахтались в воде, а живность, которая завелась у меня в доме, с упоением поглощала свою – холодную – порцию мясного, я выудила из сумки старую тетрадь и приступила к ее детальному осмотру. Пожалуй, со словарем можно разобраться. Хотя что может дать мне прочтение дневника Самохвалова, я еще не знала. Но была уверена, что игнорировать подсказку интуиции – значит тормозить дело.

Судя по датам, дневник Самохвалов начал писать в старших классах школы и закончил приблизительно в двадцать четыре года. Учитывая настрой, который столь явно просматривался в его прозе, я ожидала и здесь найти красочное описание множества врагов, подкарауливавших за каждым углом. Но когда начала переводить предложение за предло-

жением, оказалось, что в молодости Самохвалов имел более миролюбивый и покладистый характер.

Тетрадь была исписана почти до конца – автор делал записи достаточно часто. Поняв, что все одолеть за короткий срок я не в состоянии, решила начать с середины и выборочно искать «нечто», прямо или косвенно связанное с убийством. В своих кратких изложениях Василий Иванович был достаточно откровенен, и наверняка я являлась первым человеком, узнавшим его истинные чувства и мысли.

Надо же, я так увлеклась переводом, что азарт заглушил навязчивые мысли о еде, и только запах паленого заставил меня очнуться. Если бы у меня был муж, то давно прибил бы за то нудное постоянство, с которым я ухищряюсь портить продукты. И даже самый негуманный суд в мире его бы оправдал. Но, к счастью, вода в кастрюльке только выкипела и сосиски оказались вполне съедобными, совсем чуть-чуть поджаренными. Перекусив таким образом, я вернулась к самохваловскому дневнику.

Сначала я наткнулась на сообщение, что у некоего Сергея появилась девушка, которую звали Регина. Уже в следующей «главе» автор замечает, что Регина оказывает ему некие знаки внимания, из которых он делает вывод, что ей понравился: «Сегодня Регина как-то пристально и долго на меня смотрела. Мне показалось, что я ей нравлюсь даже больше, чем Сергей».

А вот как начиналась следующая запись: «Мы с Региной

встречаемся втайне от Сергея! Я отбил девушку у лучшего друга. Для него это будет ударом, так как до этого, из нас двоих, слабый пол отдавал предпочтение именно ему!»

Так, так. Лучший друг Сережа. Еще один персонаж в этой истории. Ну и что? Аккумулировать тридцать лет злость и убивать человека, который когда-то увел твою девушку? Такое казалось мне нереальным. Хотя в нашей разноцветной жизни чего только не бывает.

Переместившись на диван и удобно устроившись на подушках, я нашла подтверждение своим сомнениям в дальнейших записях дневника.

«Похоже, Маштаков не очень удивился и огорчился, когда узнал, что мы с Региной вместе. Мне было досадно, я ожидал более бурной реакции. Он тут же начал встречаться с длинноногой Светой, с его же курса. На наших с ним отношениях это обстоятельство никак не отразилось».

Вот так. Хоть с этим все ясно, а то мне и так подозреваемых хватает.

Перевод давался мне довольно медленно, и я начала «держаться» из-за того, что не находилось ничего конкретного, нужного мне.

– Не рассчитываешь же ты, что Василий Иванович в студенческие годы написал что-нибудь вроде: «Если меня когда-нибудь отравят, то в моей смерти прошу винить господина такого-то»? – подшутила я сама над собой.

Исследуя записи дальше, обнаружила откровения Само-

хвалова о своих чувствах к Регине. Когда поутихла расправшая его гордость по поводу «угона» чужой пассии, новоиспеченный кавалер понял, что она сама его мало интересуется. Как средство продемонстрировать, что он не хуже Сергея, – да, а как женщина, с которой он хотел бы связать жизнь, – нет. Шло время, но новых желающих дам завоевать его сердце на горизонте не возникало.

Мне вспомнился облик Василия Ивановича: худощавый, маленький мужчина с острыми чертами лица и копной кудрявых волос, напоминавший хищную птицу в полете.

Обсуждение прически словесника постоянно возникало на повестке дня школьников.

В общем, неудивительно, что женщины Самохвалова не жаловали. Мало привлекательная внешность, к которой приплюсовывается гнусный характер... Надо же: досадует на то, что его лучший друг не огорчился, узнав об измене своей девушки с ним!

В итоге, «пропудрив» мозги Регине аж три года, Василий Иванович все же решился на ней жениться. Меня разбирало любопытство: что же это за Регина такая, что кроме хмыря-Самохвалова ее больше никто не заинтересовал? Неужели она не замечала, что ее избраннику, по большому счету, на нее наплевать? Просто мазохизм какой-то, а не любовь.

Устав копаться в словаре, я решила бегло просмотреть последнюю запись дневника и на этом закончить. В ней Василий Иванович сообщал, что у него родилась дочь, а он-то хо-

тел мальчика! Вспомнив Катькин рассказ о байстрюке Антоне, я подумала, что не нужен был этому самодуру никто – ни мальчик, ни девочка. Так уж он был устроен.

Я бросила дневник на пол и решила, что на сегодня с меня хватит. Представитель семейства кошачьих уже спал, уткнувшись мне в бок, и я незамедлительно последовала его заразительному примеру.

* * *

Всю ночь мне снились змеи и еще какие-то гады, и, если бы не телефонный звонок, разбудивший меня, неизвестно, сколько еще мне пришлось бы лицезреть это безобразие.

Часы на стене показывали девять утра. Только я взяла трубку, как на меня обрушились рыдания, причитания и всхлипывания.

– Тань, я знаю, кто отравил отца, – ревела Катька. – Теперь я точно знаю-у-у!

– Что ты знаешь, говори! – отчеканила я, окончательно проснувшись.

– Это Пашка Рудухин... у меня с ним... понимаешь...

– Знаю я, что у тебя с ним! – оборвала ее резко. – Что случилось?

– Он вены себе вскрыл... из больницы мне звонили... Я догадывалась, что это он, а теперь после этого... уверена.

В трубке нарастала новая ударная волна истерики.

«У верблюда два горба, потому что жизнь – борьба», – вспомнилась дурацкая школьная поговорка. Рудухин явно не борец. Он просто слизняк. И это все на мою голову!

– Твой Рудухин – половая тряпка, и отца твоего не трогал! Прекрати плакать! Успокойся! – прикрикнула я на Катьку.

Мои резкие слова подействовали на нее отрезвляюще. Громкость на том конце провода понизилась на несколько тонов.

– А ты откуда знаешь? – прерывающимся голосом спросила Катька.

– Сиди дома и готовь мне завтрак – сейчас приеду.

Умывшись и приведя себя в порядок, я не стала мешкать и через несколько минут сидела в машине, злясь, что мои утренние планы были нарушены. Кто знает, что придет в голову этой дурище! Отвечай потом за нее!

В Катькиной квартире собака Баскервилей на сей раз была заперта в комнате и расписывала автографами дверь, а хозяйка сидела в гостиной, тупо уставившись в окно. Услышав шум, она повернула ко мне опухшее, красное лицо. Надо же, так убиваться из-за какого-то недоноски!

– Ну, ты уже успокоилась? – с порога спросила я ее. Катька молча кивнула и всхлипнула.

Пока притихшая хозяйка гремела посудой, я начала выводить ее из транса.

– Сколько денег ты подарила Рудухину за последнее время?

Мой вопрос застал ее врасплох, и в гостиной воцарилась тишина.

– Я не знаю... вернее, не считала... Может, сотен пять «зеленых».

Я присвистнула.

– Зачем ему было столько денег?

Катька поставила передо мной тарелку омлета с ветчиной, от которого шел дурманящий запах, и кучу разной аппетитной закуски. Слева от меня была поставлена корзина с фруктами, справа – чашка с горячим шоколадом. Такого праздника мой желудок давно уже не помнил.

– Паша с детства страдает повышенным внутричерепным давлением. Он принимал таблетки, а в последнее время у него выявилось обострение, и врач назначил ему лекарства внутривенно... Целестон, кажется.

Все было бы очень смешно, если не было так грустно. Святая наивность! Сказать ей прямо в лоб или как особу слабоверную сначала подготовить?

– Наркоман твой Рудухин, – произнесла я спокойно. – Обычный банальный наркоман, каких тысячи.

Напротив меня под Катькиной тяжестью хрустнул стул. Я ожидала продолжения концерта и даже перестала жевать, уже готовясь успокаивать доверчивую барышню и высказывать свои соболезнования. Но Катька, похоже, выдохлась – неприкрытая правда как будто оглушила ее.

– Неужели ты ни разу ничего не заподозрила? – допыты-

валась я.

– Я ему доверяла, – последовал тихий ответ. Через некоторое время она добавила: – Это все из-за того, что у нас с Пашей ничего не получилось.

И она закрыла лицо руками.

– Почему ты мне не сказала о своих подозрениях сразу? – упрекнула я ее.

– Я надеялась, что это все же не он отца отравил, не хотела раньше времени афишировать наши отношения.

И тут же, вразрез с вышесказанным, Катька прошеп – тала:

– Если это не Пашка, тогда кто же?

Катькино лицо вытянулось: кажется, только сейчас до нее дошло то, что я сказала про ее ненаглядного.

– Как наркоман? Он что, колется?! – простонала вдруг она.

Этот вопрос явно не требовал моего ответа, я и промолчала. К этому времени я уже успела опустошить тарелку и чашку с шоколадом и принялась за фрукты.

– Неплохо бы чего-нибудь попить, – произнесла я вслух, а мысленно себя упрекнула: как можно быть такой циничной, Татьяна!

Катька понуро поплелась на кухню. «Надо же ее хоть чем-то отвлекать!» – оправдывалась я перед собой.

– Оклемается твой благоверный, – решила немного успокоить бывшую одноклассницу. – Если б действительно захо-

тел с праотцами встретиться, то порезал бы себя правильно. А весь этот спектакль с больницей был разыгран исключительно для твоей впечатлительной натуры: он ведь знал, что я обо всем тебе расскажу. Если тебе не жалко денег, то потратить их лучше на его лечение, – резюмировала я.

Не знаю, что уяснила из моих слов Катька, но на ее окаменевшем, убитом горем лице не дрогнул ни один мускул. Наконец, передо мной возник пол-литровый бокал дымящегося чая. Что же, и это сойдет.

– Вы все время такими тазиками чай пьете? – пыталась я развеселить свою клиентку.

– Нет, – ответила она, – это чашка мужа. Я машинально поставила.

Я присмотрелась к Катьке внимательно: ничего, перемелется. Слишком у нее жизнелюбивый характер для продолжительного траура.

Давиться горячим чаем я не стала и сообщила Катьке, что мне нужно позвонить. Она кивнула на диван, где лежал радиотелефон. Я взяла трубку, вышла в холл, прикрыв дверь, и, когда на другом конце провода откликнулся приятный мужской баритон, произнесла:

– Варвару Николаевну, будьте добры.

Душечка подошла к телефону, и я напомнила ей о нашем вчерашнем знакомстве.

– Как же, Танечка! Я вас прекрасно помню. У нас вчера такое творилось!

– Ну вот. Всегда все самое интересное происходит без меня, – игриво ответила я, заранее зная, что она мне скажет.

Душечка, конечно же, спешила огорошить меня несвежей новостью:

– Рудухин Паша вены себе вчера порезал, представляете? Мать на базар отправил, а сам...

Пришлось разыграть удивление. Я молча выслушала Душечкины версии, почему Паша так «странно» поступил, и хотела уже задать вопрос ближе к интересовавшей меня теме, как женщина доверительно зашептала в трубку:

– Это Томку бог наказывает. Вчера, кроме всего прочего, ни с того ни с сего ее Тишка околел.

По-моему, у меня вырвался возглас, похожий на щенячий восторг, и я постаралась как-то компенсировать свою неосторожность, бормоча соболезнующе:

– Жаль, что все так вышло. Жаль и Тому, и собачку...

Произнеся еще пару необязательных фраз и получив Душечкины заверения, что всегда могу на нее рассчитывать, я дала отбой. Забавно, а ведь ей даже не пришлось в голову поинтересоваться, зачем я звонила. Ну и ладно.

Теперь, убедившись, что грибы не являлись безобидными сыроежками, стоило подумать, продолжать мне расследование или нет. Катька сейчас в таком апатическом состоянии, что, кроме своего наркомана, думать ни о чем не может. Последние события вызвали у меня вялый интерес к делу, но все же альтруистом я пока становиться не собиралась. Толь-

ко я собралась адресовать Катьке вопрос на эту тему, как запиликал сигнал видеодомофона. На экране маячил щуплый парнишка в болоньевой куртке и вязаной шапке.

Катька, увидев, кто к ней пожаловал в гости, поморщилась.

– Это Антон, – тусклым голосом сообщила она.

Было ясно, что у нее нет ни малейшего желания открывать ему дверь. С минуту она колебалась, потом махнула рукой.

– Все равно он вчера звонил, и я сказала, что буду дома. Ведь не отстанет...

И она нажала кнопку. Нежеланный гость скрылся в подъезде.

– Тебя еще не покинуло желание узнать, кто отравил твоего отца? – спросила я тут же.

По-моему, Катьке стоило больших усилий, чтобы переключиться с мыслей о Паше на суть моего вопроса.

– Нет, – покачала Катька головой. – Все остается в силе. Я сказала о своих догадках матери и дяде Сереже. Они тоже хотят знать правду.

«Уж не тот ли это Сережа, из дневника покойного?» – мелькнуло у меня в голове.

В этот момент в дверь тихо постучали. По-моему, зачем нужно стучать, если уже был звонок...

Катька открыла, и на пороге появился Антон. Он пытался мило улыбнуться, но улыбка получилась притворной и почему-то вызвала у меня отвращение.

– Здравствуйте, – произнес гость.

Его приветствие больше адресовалось мне, так как он не сводил с меня глаз. Я с него, впрочем, тоже.

– Кать, я на минутку, – заявил Антон, переминаясь с ноги на ногу. Тут он заметил на лице сестры красные пятна и участливо поинтересовался:

– Что-то случилось?

По выражению Катькиного лица я поняла, что этот вопрос она не хотела обсуждать больше всего, и пришла ей на помощь.

– Случилось то, что у Кати умер отец.

Произнеся эту фразу, я внимательно следила за реакцией Антона.

– Да, это ужасно, – откликнулся он и вздохнул.

Но это были явно формальные слова, за которыми не стояло никаких чувств. Хотя я и не рассчитывала на то, что Антон обожал своего отца. Это было бы слишком неправдоподобно.

Катька, вопреки всем законам гостеприимства, не пригласила брата пройти в гостиную. Правда, в ее состоянии это было понятно.

– Я хотел спросить, – осторожно начал Антон, – нельзя ли мне забрать из книжного шкафа отца несколько книг, на память.

Пожалуй, Катька была права. Несмотря на безупречный вежливый тон и внешнюю предупредительность, было в этом

парне что-то отталкивающее.

– В квартире сейчас никто не живет, – устало ответила Катерина. – Подожди, когда мать вернется. Я думаю, она не будет против.

Антон кивнул головой в знак согласия и спросил:

– Может, тебе чем-нибудь помочь?

Выглядело это так: брат подобострастно смотрел сестре в глаза...

Меня уже начал забавлять весь этот цирк. С выражениями сочувствия мальчик явно перестарался. Хотя провести наивную Катьку было гораздо проще, чем меня. Похоже, что этот, так смахивающий на отца молодой человек действительно втирается в Катькину семью.

Получив отрицательный ответ, Антон невинным взглядом зеленых глаз уставился на меня.

– А с вами можно познакомиться?

И ведь как непосредственен в своей навязчивости! Катька ожидала чего-то подобного, потому что сразу покорно ответила:

– Это моя подруга и бывшая одноклассница, Таня Иванова.

По мгновенному огоньку, который зажегся в его глазах, я поняла, что моя фамилия ему о чем-то говорит. Но спустя секунду его взгляд опять стал безмятежным, как море в тихую погоду.

– Очень приятно. Катя говорила вам, что у нее есть брат?

Похоже, он хочет, чтобы весь свет узнал об этом!

Видя, что Катька, оперевшись о косяк, находится в полубморочном состоянии, а парнишка уже открыл рот для очередного вопроса, я перебила его.

– Извини, но не мог бы ты появиться в другое время? Разве не видишь – твоей сестре плохо?

По его взгляду было понятно, что он раскусил мою «крутую» натуру, и тут же заторопился.

– Да, да, конечно. Я, Кать, зайду в другой раз. До свидания.

Ему очень не хотелось уходить, но все же пришлось. Закрыв за ним дверь, Катька молча прошла в гостиную и повалилась на диван.

– Я поеду к нему в больницу! – зарыдала она, закрыв лицо руками, и ее плечи затряслись в такт рыданиям.

Было видно, что все это время, пока в квартире находился братец, Катька провела на чистом автопилоте, не переставая думать о липовом самоубийстве Рудухина. Я прокляла все на свете, почти смирившись, что сегодняшней день в плане расследования пойдет насмарку, и опять принялась успокаивать бывшую одноклассницу. Только утешитель из меня получился, прямо скажем, никакой.

– Никуда ты не поедешь! – категорично заявила я ей. – Где у тебя аптечка?

Сдержав очередную порцию всхлипываний, хозяйка ткнула пальцем куда-то влево.

Порывшись в шкафу и не найдя ничего более подходящего, чем настойка валерианы и димедрол, я накапала в стакан воды убойную дозу настойки и заставила Катюшку запить две таблетки полученной смесью. Минут через двадцать лекарства стали действовать. Катерина забралась с ногами на диван и в изнеможении опустила голову на думку, лежащую рядом. Вспомнив о том, что собиралась делать, я потребовала рабочий телефон ее матери. Но у Катюшки слипались глаза, и в ответ я услышала что-то нечленораздельное. Кажется, из последних сил она махнула рукой в сторону холодильника «Бош» и забылась в тяжком сне. Подойдя к холодильнику, я увидела записную книжку. Все телефоны в ней располагались в алфавитном порядке их владельцев, но на первой странице я обнаружила номера самых близких Катюшке людей. Вначале сотовый телефон мужа, затем несколько его служебных номеров, рабочий телефон матери и в заключение номер некоего Сергея Витальевича Маштакова. Значит, это и есть лучший друг семьи, пресловутый дядя Сережа.

Я занесла все эти номера в свой карманный «компьютер», следуя профессиональному инстинкту, а затем набрала телефон матери.

– Вас беспокоит Татьяна Иванова, – сообщила я ей, – бывшая одноклассница вашей дочери. Сейчас я у Кати дома, и необходимо, чтобы вы приехали как можно скорее. Все остальное при встрече.

Я бросила трубку на стол и машинально отхлебнула из

чашки чая, который заварила мне хозяйка. Он стал холодным, как утренняя заря, и я поморщилась. Оставалось дожидаться Регину – и тогда я свободна. Оставить несчастную Катю одну я не рискнула. Мало ли на какие непредсказуемые подвиги способна женщина в таком состоянии.

Регина появилась, когда я уже пролистала стопку журналов «Космополитен», лежавшую на столике в холле. Она была не одна. Невысокий серьезный мужчина с благородными чертами лица появился в квартире вслед за ней. Регина, честно говоря, мало походила на убийцу. Не верилось, глядя на нее, что эта маленькая, ничем особым не приметная, в недалеком прошлом миловидная, а в насто – ящем изможденная – потухший взгляд, усталые движения – женщина могла хладнокровно лишить жизни своего мужа.

– Что случилось? – с порога спросила она.

– Давайте пройдем, – я направилась в гостиную.

– Я подожду здесь, – сообщил ее спутник.

Регина кивнула, не раздеваясь, проследовала за мной и по моей просьбе прикрыла дверь. Увидев спящую дочь, она отчасти успокоилась, отчасти встревожилась еще больше.

Я вкратце рассказала предысторию, не вдаваясь в излишние подробности. В заключение сообщила:

– Я дала Кате лекарства, и она проспит еще какое-то время, но одну ее оставлять нельзя.

В какой-то миг мне показалось, что Регину сейчас придется укладывать рядом с Катю. Но она взяла себя в руки

и произнесла одно слово:

– Хорошо.

Во всем ее облике сквозила какая-то овечья покорность. Об отношениях своей дочери с Рудухиным она, видимо, знала, поэтому ничему и не удивилась.

– Никуда ее не отпускайте, – на всякий случай предупредила я, – и постарайтесь, пожалуйста, успокоить ее, не давайте ей больше плакать.

Мы вышли обратно в холл, и Регина представила мне своего спутника.

– Это Сергей Витальевич, друг детства моего мужа и друг нашей семьи. После вашего звонка, Таня, я позвонила ему, и он быстро меня довез, – сказала Регина, как будто оправдываясь.

– Нужна помощь? – мягко спросил друг семьи, обращаясь к ней.

– Нет, Сережа, я сама справлюсь. Спасибо тебе.

Мужчина не стал задавать лишних вопросов и пошел к выходу. Я же, прежде чем удалиться, вдруг повернулась к Катькиной матери и спросила:

– Регина... простите, не знаю как вас по батюшке...

– Геннадьевна, – подсказала она.

– Регина Геннадьевна, вы любили своего мужа?

Она почему-то побледнела и прислонилась к косяку, на который совсем недавно опиралась ее дочь. Сергей Витальевич отвернулся к стене и стал изучать ничем не замеча-

тельный настенный светильник.

– Когда-то... – прошелестел ответ.

Голос женщины сел и охрип.

Попрощавшись, я вышла. Уже заходила в лифт, когда услышала окрик Сергея Витальевича.

– Татьяна, подождите!

Заскочив в кабину лифта, он задал первый вопрос:

– Вы по просьбе Кати расследуете причину смерти Василия Ивановича?

Я утвердительно кивнула, внимательно вглядываясь в лицо этого человека, чем-то похожего на известное изображение Юлия Цезаря.

– Вы тоже считаете, что его мог кто-то отравить? – задал он второй вопрос.

– Я даже могу это утверждать, – парировала я.

Цезарь встревожился. Мы вышли из подъезда, и он кивнул на «шестерку» баклажанового цвета, стоявшую рядом с моей «девяткой».

– Я на машине. Подвезти?

Старомодный дядечка. Неужели он думает, что я так мало зарабатываю, что не могу позволить себе личного «железного коня»?

– Спасибо. Мне есть на чем.

Я открыла дверцу своей машины и улыбнулась, видя его реакцию.

– Вы уже знаете, кто убийца? – доверительно наклонился

он ко мне, когда я заводила машину.

– Догадываюсь, – соврала я.

– У вас клапана стучат, регулировать нужно, – вдруг сменил тему Сергей Витальевич.

– Благодарю вас, я подумаю над этим, – пообещала я и выдавила на лице улыбку, которая, кажется, у меня довольно скверно получилась.

Захлопнув дверцу, тут же газанула. Последний вопрос Маштакова о том, известно ли мне, кто убийца, задел профессиональную гордость. Хотя я и знала, что торопыжничать нельзя, все же огорчало, что мое расследование не продвинулось настолько, насколько хотелось бы.

Еще с вечера я запланировала ехать в Ключи, к сестре Василия Ивановича, и прозондировать почву там. Адрес взяла у Катки еще при нашей первой встрече. Но езда туда заняла бы часа три, не меньше, а мои часы показывали уже без пятнадцати три. Пока туда, пока обратно, и там еще неизвестно сколько...

Доехав до перекрестка, после которого мне нужно было свернуть либо домой, либо в сторону Ключей, я остановилась у обочины. Достала из мешочка «косточки», погремела ими и кинула на приборную панель, как и в прошлый раз.

Получилось: 33+19+4. «Для Вас существует возможность пострадать от руки злоумышленника».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.